

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16—18 июня 2016

КАК ВЫВЕСТИ ЭКОНОМИКУ НА ТРАЕКТОРИЮ УСТОЙЧИВОГО РОСТА?

17 июня 2016 г, 12:00—13:15

Павильон G, Конференц-зал G1

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Алексей Бобровский, Руководитель службы экономических программ, телеканал «Россия 24»

Выступающие:

Кирилл Андросов, Управляющий директор, Altera Investment Fund

Сергей Глазьев, Советник Президента Российской Федерации

Андрей Клепач, Заместитель председателя (главный экономист) — член правления, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Шив Викрам Кхемка, Вице-председатель, SUN Group

Владислав Соловьев, Генеральный директор, председатель правления, член совета директоров, РУСАЛ

Борис Титов, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Виктор Толоконский, Губернатор Красноярского края

Фредерик Уильям Энгдаль, Президент, основатель, Engdahl Strategic Risk Consulting

А. Бобровский:

Уважаемые дамы и господа! Мы будем обсуждать эту тему, используя различные интерактивные элементы: покажем вам видеосюжет, предложим голосование в начале и в конце сессии, чтобы проследить за динамикой. Очень жаль, что здесь не присутствуют представители Центрального банка Российской Федерации и Министерства экономического развития, которые были приглашены, но участвуют в других сессиях. Наверное, есть более важные темы. Мы же обсудим, как вывести нашу экономику на траекторию устойчивого роста. Может быть, это не самое важное, но для нас это важно, поверьте.

До начала сессии я шутил, что это расширенное заседание Столыпинского клуба. Действительно, здесь собралось много представителей Столыпинского клуба, но я рад, что здесь присутствуют и наши иностранные гости, и представители региональных властей — интересно узнать, как в регионах смотрят на макроэкономическую ситуацию. Не в обиду присутствующим здесь губернаторам: отчитываясь перед Президентом, главы регионов говорят, что у них все хорошо. Как понять, что в регионах все плохо, если отчеты обычно такие позитивные? Надеюсь, сегодня мы узнаем, как на самом деле обстоят дела в регионах с макроэкономической точки зрения. Естественно, у нас присутствуют инвесторы — люди, которые постоянно имеют дело с большими деньгами и знают, какие нужны условия, чтобы эти деньги работали на экономику.

Меры, которые будут приниматься, концепции и программы, которые создаются — я знаю как минимум три такие программы или даже стратегии, — с одной стороны, похожи друг на друга, а с другой, различаются в некоторых принципиальных моментах. Мы попробуем разобраться в этом.

Важнее всего дискуссия: нам нужно обсудить все плюсы и минусы существующих предложений и стратегий. Одна из них — полноценная стратегия, представленная Столыпинским клубом. Есть прогноз Министерства экономического развития на ближайшие три года с набором мер, которые нужно предпринять, чтобы этот прогноз не оправдался — настолько он драматичен.

Есть концептуальные предложения от Центра стратегических разработок, сформулированные под председательством Алексея Кудрина. Интересно, что в Экономическом совете при Президенте удалось собрать очень разных по взглядам экономистов, я надеюсь, что из этого выйдет толк.

Вопрос в том, есть ли у нас полтора года в запасе. Этот вопрос я задаю всем, естественно, спрошу об этом и здесь.

С удовольствием представлю участников нашей дискуссии. Кирилл Андросов, управляющий директор Altera Investment Fund. Сергей Глазьев, советник Президента Российской Федерации, обычно он просит, чтобы его представляли как ученого-экономиста, а не как советника. Андрей Клепач, заместитель председателя (главный экономист) — член правления Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)». Шив Викрам Кхемка, вице-председатель SUN Group. Владислав Соловьев, генеральный директор, председатель правления, член совета директоров РУСАЛ. Борис Титов, уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. Виктор Толоконский, губернатор Красноярского края. Фредерик Уильям Энгдаль, президент, основатель Endgahl Strategic Risk Consulting. Господин Энгдаль я знаю по интервью нашему каналу, он по-настоящему яркий оратор. Очень интересно, что он скажет о нашей макроэкономической политике, хотя я догадываюсь.

Вначале я попрошу всех, в том числе участников нашей дискуссии, проголосовать за варианты, которые мы предложим. Вопрос очень простой: как вывести экономику на траекторию устойчивого роста? Предлагается шесть основных вариантов. Выберите тот, который, на ваш взгляд, способствует достижению этой цели. Первый вариант — снизить инфляцию до 4%. Второй — дождаться высоких цен на нефть. Третий — добиться отмены санкций. Четвертый — снизить стоимость кредита. Пятый — сделать экономику несырьевой, что подразумевает набор реформ. Шестой — активно

стимулировать спрос. Выберите, пожалуйста, наиболее близкий вам способ достичь этой цели.

Итак, все считают, что главное — сделать экономику несырьевой, и для этого нужно предпринимать все необходимые меры. В конце сессии мы проголосуем еще раз, чтобы посмотреть на динамику: возможно, ваше мнение изменится. Правда, что-то мне подсказывает, что оно изменится не сильно.

Теперь о стратегии. Посмотрим небольшой сюжет. Александр Некипелов и Ярослав Кузьминов, два представителя академической мысли, высказывают противоположные точки зрения.

Обращусь с вопросом к академику Глазьеву. Сергей Юрьевич, есть у нас эти полтора года или нет? Мы многое можем упустить и с точки зрения циклического развития экономики, и с точки зрения быстро меняющейся конъюнктуры на внешних рынках. Есть ли у нас это время и что можно сделать?

С. Глазьев:

Времени, конечно, нет. Если рассматривать экономическую ситуацию в динамике, а не гадать на кофейной гуще, какой должна быть инфляция, станет очевидно, что сейчас идет завершающий этап структурной перестройки мировой экономики. Передовые страны внедряют новый технологический уклад, идет оживление за счет нанотехнологических, информационных и коммуникационных технологий, которые растут в среднем на 35% в год, причем в течение 15 лет подряд. Простой при формировании нового технологического уклада означает невозможность нагнать отставание в будущем: чем более развита технологическая траектория, тем больше в нее вложено инвестиций, тем более капиталоемким является выход на эту траекторию.

Скажем, 15 лет назад мы могли бы создать свое производство светодиодов. Здесь говорилось, что мы потратили нефтедоллары в том числе на строительство комплекса, в котором проходит Форум, здесь много светодиодов, наверное, импортных, я не знаю точно. Еще 20 лет назад мы были впереди

планеты всей по уровню опытных разработок, а сегодня Соединенные Штаты производят семь миллиардов светодиодов в год, и мы вынуждены их импортировать. Таких примеров очень много.

Фаза структурной перестройки экономики, которая сейчас уже завершается, интересна тем, что старые источники роста не работают, а новые еще не сформировались. Экономика проходит через десятилетнюю или пятнадцатилетнюю депрессию, в ходе которой совершается отток капитала из устаревших производств в производства нового технологического уклада. Страны, которые раньше других сумеют освоить эти технологические траектории, вырываются вперед и на новой длинной волне Кондратьева демонстрируют экономическое чудо. Страны, которые отстают и ждут, пока из-за рубежа не придут новые технологии, вынуждены довольствоваться политикой догоняющего развития, тратя природную ренту на оплату интеллектуальной ренты, которая формируется у стран-лидеров. Поэтому простой в фазе структурной перестройки чреват очень серьезным отставанием в дальнейшем.

Если говорить о политике устойчивого роста, то сегодня уже видны контуры нового технологического уклада. Пройдет еще 3—4 года, и технологическая революция в экономике приведет к появлению совершенно другой структуры спроса. Резко снижаются затраты энергоресурсов на единицу ВВП, многократно повышается эффективность энергопотребления. Это говорит о том, что традиционное направление российской экономики — воспроизводство нефтегазовой трубы — уже бесперспективно. Ожидать чудес, связанных с повышением цен на нефть, не следует. В фазе становления нового технологического уклада цены на энергоресурсы всегда низки, потому что резко возрастает эффективность энергопотребления и одновременно появляются новые источники энергии: сегодня солнечная энергетика на базе нанотехнологий уже конкурирует с тепловой.

Главное, что требуется от государства в этот период — снизить риски, продемонстрировать бизнесу направления, которые дадут максимальный

эффект, помочь ему освоить новые технологии. Это сопряжено с резким возрастанием роли государства в экономическом развитии через увеличение ассигнований на НИОКР и стимулирование инновационной активности, в том числе путем резкого снижения налогов. Как мы видим, передовые страны идут по пути налоговых премий: на одну единицу расходов на НИОКР субсидируются полторы единицы. В передовых странах государство всемерно стимулирует инновационную активность и освобождает ее от всех видов налогообложения.

Раньше роль государства заключалась в резком увеличении спроса на новые технологии, следствием чего была гонка вооружений. Сейчас мы могли бы избежать этих рисков, если бы правильно спланировали нашу стратегию инновационного развития, исходя из того, что новый технологический уклад носит гуманитарный характер. Основными драйверами экономического роста становятся здравоохранение, образование и наука. На них будет приходиться примерно половина валового продукта передовых стран в период зрелости технологического уклада, который сейчас формируется, и эти отрасли некому развивать, кроме государства.

В этом состоит еще одна особенность нынешнего переходного периода: сферы деятельности, которые становятся локомотивами экономического развития, в значительной степени зависят от государственной политики. Государственный бюджет, в котором постоянно не хватает денег, не может являться единственным инструментом стимулирования передовых направлений экономического роста. Передовые страны правильно поняли вызов времени и перешли на денежно-промышленную политику. Во всем мире, за исключением России, мы сегодня видим низкие и даже отрицательные процентные ставки, долгосрочное кредитование экономики, политику количественного смягчения. Объем денежной базы мировых валют после начала финансового кризиса вырос в три—четыре раза. Вопреки идеям монетаристов, которые ждут, когда у нас снизится инфляция путем сжатия денег, во всех передовых странах идет денежная накачка, чтобы облегчить бизнесу доступ к деньгам. Снимаются

финансовые ограничения. То немногое, что государство может сделать для бизнеса — снять финансовые ограничения. Государство не может придумывать за бизнес новые комбинации товаров и технологий, ему трудно обеспечить необходимое количество оптимальных технических решений. Это дело предпринимательского сообщества. Зато государство может обеспечить доступ к долгосрочным кредитам.

Для того чтобы перейти к политике устойчивого развития, нужен мощный иницирующий импульс, нужны огромные инвестиции, которые не в состоянии дать деловое сообщество. Поэтому управляемая кредитная эмиссия для стимулирования инвестиций по перспективным направлениям развития — это императив политики роста. Других источников нет: ни сбережения населения, ни пенсионные сбережения, ни иностранные инвестиции, которые сегодня находятся под санкциями, не спасут нас в этот переходный период. Нам нужно осваивать деньги как инструмент политики экономического роста.

На завтраке Сбербанка России меня в очередной раз обозвали монетаристом. Люди почему-то считают, что монетаризм — это такое направление экономической мысли, представители которого все сводят к деньгам. На самом деле все наоборот: монетаристы — те, кто отрицает связь экономического роста с денежной политикой. Для монетаристов деньги — это священная корова, которая живет сама по себе, и вокруг которой нужно совершать ритуальные танцы. Мы же в своей программе пытаемся отвести деньгам роль инструмента экономического развития. Какое бы экономическое чудо с рыночной экономикой вы ни взяли, будь то Западная Европа после войны, будь то Индия в период структурных изменений, будь то Япония и новые индустриальные страны, которые начинали свой экономический рывок, пребывая в удручающей бедности, и добились успеха, — везде наблюдалось два явления: резкий рост инвестиций и доли кредита в ВВП. Главным механизмом финансирования инвестиций по перспективным направлениям во всех случаях являлась

управляемая кредитная эмиссия. Европейский и азиатский опыт свидетельствует об этом.

Отрицать роль денежной политики в обеспечении финансирования экономического роста — безумие. Деньги должны играть роль инструмента поддержки экономического роста. Управляемая кредитная эмиссия означает наличие стратегического планирования, определение приоритетов, взаимную ответственность государства и бизнеса. Мы не предлагаем раздавать деньги просто так или разбрасывать их с вертолета, за что нас часто критикуют. Мы говорим о том, что кредитная эмиссия должна осуществляться в соответствии с планами, разработанными совместно государством, бизнесом и наукой. Государство здесь играет роль координатора, интегратора, который связывает интересы бизнес-сообщества и возможности науки, для того чтобы добиться максимального эффекта в управлении деньгами. Создавая эти деньги для инвестиционных целей, мы обеспечиваем антиинфляционный эффект, потому что главным механизмом борьбы с инфляцией является не сжатие денежной массы, которое ведет к падению производства, а через него — к падению покупательной способности, то есть генерирует инфляцию. Сегодня можно считать научно доказанным, что для любого состояния экономики существует оптимальный уровень монетизации: если он ниже оптимального, инфляция возрастает, как и тогда, когда он выше оптимального. Учет этих нелинейных обратных зависимостей — один из важнейших элементов политики экономического роста.

А. Бобровский:

Большое спасибо, Сергей Юрьевич.

Обращусь к нашему иностранному гостю, Фредерику Энгдалю. Господин Энгдаль, может быть, это наш российский академический взгляд? Может быть, во всем мире специалисты — писатели, ученые, экономисты — думают по-другому? Существуют ли, на Ваш взгляд, рецепты гарантированного

экономического развития? Какую роль сегодня должны играть государственные институты в национальных экономиках? Работает ли сегодня так называемый Вашингтонский консенсус?

Уверен, что многие знакомы с последним термином, но на всякий случай скажу: МВФ дает типовые рекомендации развивающимся экономикам. Этот набор реформ с 1990-х годов остается неизменным, хотя сегодня кажется странным: при необходимости — а такая необходимость возникает в случае экономических проблем, — сокращать социальные расходы, обязательно увеличивать налоги, и так далее. Мы по-прежнему придерживаемся этих рекомендаций, хотя сейчас не берем в долг у МВФ.

Если можно, ответьте, пожалуйста, на эти три вопроса.

F. Engdahl:

The so-called Washington Consensus of the International Monetary Fund has to be seen, in light of the creation of Bretton Woods back in the 1944 period, as the transnational vehicle for replacing British world monetary control with an American-led one. To this day, despite all the recent reforms, with China becoming an SDR member with the renminbi, the blocking minority vote in the IMF is a US Treasury blocking vote, and it has been used since the debt crisis of the 1980s to open up economies to, essentially, American and European looting, nothing more sophisticated than that. It has done that rather efficiently from the standpoint of Washington, but not from the standpoint of African economies or Asian economies; certainly not from the standpoint of anything that happened in Russia up to and including the 1998 rouble default crisis. So the IMF and the creation of the Central Bank by American economist Jeffrey Sachs, the shock therapy people, the Harvard boys in 1990, was the top priority of the Bush Senior administration, in order to open up Russia for Western corporations to simply pick the crown jewels and loot Russia. That has not happened in a continuous way, but there are still some residues of this

free market, so-called, thinking of the Milton Friedman school that badly infected the economic advisors of the Yeltsin era.

The first priority of the West, of Washington, was to create not a state bank but a central bank, which has two priorities. One is the control of inflation measured against the dollar system, and the other is the stability of the rouble measured against the dollar. So you are a prisoner to a monetary system where you have no sovereign control, as long as your central bank adheres to those dictates – and that is a constitutional thing that can be changed by the Duma, as I understand it, the Russian legal system – that were imposed on Russia as the first priority of Washington in 1990 to be the vehicle with which they could control everything that happened in Russia.

I think it is important right now to situate the Russian economic problems in the context of the larger geographic and political realities in the world today – I am avoiding the term geopolitical because it is often misunderstood – and I am speaking as an American not at all happy with the policies of my government or the prospect of a Clinton administration continuing these wars everywhere. The situation that Russia faces today is a quasi-state of war with the West. Let us be realistic. Under those conditions, to adhere to Western monetary rules is a very elegant way of committing economic suicide, and I do not recommend suicide for anybody, economies or human beings.

So there needs to be, I think, a very fundamental rethinking of the role of the state, coming back to your question. There are many models of this. The Stolypin one is one that I am personally quite fascinated by as an economic historian, as well, but in the 1960s, under General Charles de Gaulle in France and his economic advisor, Jacques Rueff, you had what was called the *planification* model, and it worked brilliantly in France. It was not the state running everything as under the Soviet system, which was a disaster as we all know, but you had a central coordinating committee representing all interest groups: organized labour, farmers, middle-sized businessmen, and so forth by region, and they would draw up, through their political

structures, annual plans for five-year periods of the highest priorities. Is it to build infrastructure across the Amur River so that the iron ore of our province could be exported efficiently to China? Which is now finally going ahead, as I understand it, on the Russian side. What are the projects? Bringing the population into this process so that it is not dictated by Western-educated economic technocrats who do not understand the slightest thing, and excuse me for being blunt, but Western economies are intellectually bankrupt – not the Milton Friedman school, not the Maynard Keynes school. It is all gobbledygook in terms of the real economy. In the real economy, you need to take care of the needs of the population and infrastructure requirements.

Money, as Professor Glazyev indicated, is like the flow from the heart. The heart of an economy is its human potential, human beings, the population, and it has to flow to and from the heart through an arterial system called credit. If credit is costing 10%, 10.5% from the central bank to the private banks or the state banks, the middle-sized entrepreneur is being strangled to death, and that is not an intelligent economic model. Eight percent inflation is not going to kill Russians if you have a growing economy.

One other point that is very essential not to forget is that there is something very special about infrastructure, and that is it has a payoff to the state in terms of increased tax revenues, even at modest tax rates. For every RUB 1 billion invested in intelligent infrastructure, high-speed railways, power grids to parts of internal Russia that are poorly served right now by all of these things, and the most beautiful project – and I have just completed a book on this called *The Eurasian Century* – is a project that the Russian Federation and the Eurasian Economic Union have agreed to participate in, and this is wonderful news, and that is One Belt, One Road: the new economic Silk Road that the Presidency in China, back in 2013, proposed in Kazakhstan at a conference. And that is going ahead.

The European Union is blind to the potential, but as I have written and said in interviews many times recently, the axiom today is not “go west, young man”, as it

was in the 1870s in the United States, go to California, go to the West; it is “go east, young man” from Western Europe. The future of Western Europe is the economic potential of Eurasia. It is as simple as that. You have everything in place: the Asian Infrastructure Development Bank, the BRICS New Development Bank, the Shanghai Cooperation Organization. It just is my impression, from many recent visits to Russia, that it is lacking cohesiveness through state support of this. Not domination of every decision economically – let the entrepreneurs do what they do best – but it needs consensus guidance to link up with this Eurasian potential. I think if that begins to happen, Russia is the most beautifully situated nation. One reason I come here so often is that it is the most beautifully situated country on the face of this earth in terms of real estate, the biggest land bank on the planet of any nation, the human potential, the technological potential, and the raw materials. So this is, I think, the way to think about the future, not central bank monetarism.

А. Бобровский:

Большое спасибо, господин Энгдаль. Этот взгляд иностранца мне кажется в каком-то смысле даже более радикальным, чем взгляд Сергея Юрьевича, которого обычно обвиняют в радикализме. Сейчас мы слегка нарушим логику нашей дискуссии, но для этого есть причины. Я обращусь к Виктору Толоконскому, губернатору Красноярского края, которому нужно бежать на встречу.

Сейчас многие называют ситуацию в регионах одним из главных рисков для российской экономики. У регионов накопились достаточно большие долги, а между тем часто говорят, что точки роста находятся именно в регионах. Где они? И может ли здесь помочь денежно-кредитная политика, на которой мы делаем акцент в сегодняшней дискуссии?

В. Толоконский:

Прежде всего, скажу, что развитие экономики региона непосредственно определяется макроэкономической ситуацией. Вряд ли правильно сказать, что у региона могут быть свои рецепты, отличные от общих, поэтому я хочу согласиться с Сергеем Глазьевым и со своих позиций максимально упрощенно подтвердить многие его положения.

Убежден, что экономический рост — это наша базовая задача: не подавление инфляции, не что-то другое, а рост доходов населения и бюджета. Для роста экономики в нашем регионе нужны достаточно простые и, на мой взгляд, достижимые вещи. Первое — должна быть совершенно другая цена денег, другая цена кредита. Не может быть развития при такой цене денег, которая есть сейчас. Если бы она изменилась, объем инвестиций в Красноярском крае, думаю, мгновенно вырос бы как минимум в три раза. Годовой объем инвестиций у нас и без того достаточно велик, в прошлом году он составил 400 миллиардов рублей, не было снижения по сравнению с прошлыми годами.

Совершенно очевидно, что высокая цена денег не сдерживает инфляцию. Наоборот, высокая процентная ставка ее поддерживает: нет других важных факторов, кроме, может быть, девальвации рубля. Никаких макроэкономических рисков я не вижу. Более того, на мой взгляд, есть несложные финансово-кредитные инструменты, позволяющие достаточно быстро снизить цену денег.

Второе — это укрепление регионального бюджета. Не может быть эффективного инвестиционного процесса при слабой инфраструктуре. Инфраструктуру нужно срочно укреплять, региону нужны дополнительные доходы бюджета не для повышения текущих расходов, а чтобы укрепить инфраструктуру. Это задача государства, о чем Сергей тоже говорил. Я всегда подчеркиваю, что Красноярскому краю не надо доказывать инвестиционную привлекательность. Нам нужно повышать его социальную привлекательность, что требует развития многих инфраструктурных отраслей.

Можно ли увеличить бюджет без увеличения налогового бремени? Да, это тоже несложно. Во-первых, значительная часть нашей экономики — как минимум

треть — находится вне сферы налогового регулирования. Не надо ничего повышать, следует лишь изменить некоторые правила. За счет новой экономики, которая сейчас не подпадает под налоговое регулирование, дополнительный доход в первую очередь получают именно регионы, потому что это будет доход с доходов граждан.

Во-вторых, нужно изменить распределение налога на прибыль, чтобы он платился в тех регионах, где производится продукт, за исключением регионов, где нет никакого производства. Тогда региональные бюджеты серьезно укрепятся, эффективность бюджетной политики намного повысится.

Сегодня большой внутренний долг регионов снижает качество управления, потому что многие живут по принципу: «Мы должны столько-то, ну что же, будет еще больше». Это неприемлемо. Опять же, есть механизмы, согласующиеся с системой мер, о которой я говорил, и позволяющие существенно снизить долг, укрепив при этом банковскую финансовую систему как инвестиционный ресурс. Сегодня наши долги — это доходы банков. Зачем нужны инвестиции и проектное кредитование, если банки в год получают с регионов 200—250 миллиардов рублей дохода, не неся никаких издержек? Конечно, изменить эту ситуацию непросто, но в результате появится огромный ресурс, который можно и нужно направить на развитие экономики. Большинство присутствующих считает главным не снижение стоимости кредита, а создание несырьевой экономики, но для этого все равно нужны инвестиции, нужны кредитные ресурсы. Это основа развития, без которой ничего не получится.

Итак, на мой взгляд, есть вполне осуществимые меры, которые позволят повысить темпы и качество экономического роста, а также найти в большинстве регионов возможные точки роста.

А. Бобровский:

Большое спасибо, Виктор Александрович.

Обращусь к представителю реального сектора, генеральному директору, председателю правления РУСАЛ Владиславу Соловьеву.

Что нужно для крупного бизнеса? В состоянии ли помочь денежно-кредитная политика? Как мы понимаем, сейчас Центральный банк Российской Федерации пытается снизить потребление, так как считает, что на стимулировании потребления сегодня далеко не уедешь, эта модель не работает. К чему приводит снижение потребления в реальном секторе? Может ли российский бизнес существовать нормально в условиях закрытия внешних финансовых рынков, если Центральный банк Российской Федерации изменит денежно-кредитную политику? Может быть, нужно предпринять еще какие-то действия, чтобы наша денежно-кредитная политика соответствовала общим устремлениям Правительства, которые декларируются его экономическим блоком?

В. Соловьев:

Сегодня мы говорим о траектории устойчивого роста, и голосование показывает, что побеждает вариант «давайте уйдем от сырьевой экономики». Этот консенсус достигнут уже много лет назад. Спорить ни о чем не нужно, все согласны, что необходимо развивать обрабатывающую промышленность, внедрять новые технологии. Проблема заключается в инструментах и сдерживающих факторах.

Я буду говорить о своей отрасли, о том, какой мы хотели бы видеть ее через пять лет. Мы говорим: «Давайте развивать обрабатывающую промышленность, увеличивать потребление алюминия, вводить импортозамещение и так далее». Когда мы пытаемся это сделать и общаемся с теми, кто производит продукты конечного пользования, мы видим, что административные барьеры по-прежнему очень высоки. Речь идет прежде всего не о судебном регулировании, которое, конечно, надо смягчать, а о нормативном регулировании. Наши стандарты, СНИПы, ПУЭ и так далее до сих пор запрещают использование нашего продукта

в проводках внутри дома. Вчера на заседании Алюминиевой ассоциации мы говорили, что в Европе 70% пешеходных мостов делаются из алюминия, а у нас пока нет ни одного. Сейчас мы построим один, покажем его: может быть, дело сдвинется с мертвой точки.

В Америке до 70% подвижного состава изготавливается из алюминия или другого легкого металла, чтобы снизить нагрузку на ось. У нас нет практически ни одного такого вагона. Когда мы сделали образец, нам велели приварить стальную балку, чтобы нагрузить эту ось, иначе она будто бы начинает прыгать. Таким образом, мы не снижаем нагрузку на ось, а, наоборот, увеличиваем ее, в соответствии с действующими требованиями.

Вопросы нормативного регулирования требуют скорейшего решения, здесь не надо изобретать велосипед. Можно взять многое из того, что уже разработано в Европе и Америке, перевести, немного адаптировать и быстро принять. Вот путь, по которому надо двигаться максимально быстро.

А. Бобровский:

Это такая структурная реформа?

В. Соловьев:

Да, структурная реформа.

Конечно, одно это ничего не изменит: способы ведения бизнеса, деловой климат, регулирование могут быть насколько угодно хороши, но если нет денег, мы не сдвинемся с места. У моих коллег из Китая стоимость кредитного ресурса равна 2% при срочности в 20 лет. У меня — как минимум 10% при срочности в три—пять лет, и сколько бы я ни хотел, я ничего не смогу сделать. Полностью согласен с тем, что, снижая денежное предложение и удерживая высокую ставку ради борьбы с инфляцией, мы на самом деле разгоняем инфляцию, в то же время зажимаем предложение. У нас нет возможности осуществлять новые инвестиции, нет возможности вывести это предложение на рынок. Основной

вопрос сейчас — это снижение стоимости кредитных ресурсов, облегчение доступа к ним, увеличение сроков кредита, так как срок не менее важен, чем ставка.

Наша банковская система сжимается: сейчас есть пять основных банков, было намного больше. Конкуренция уменьшается, а любое уменьшение конкуренции приводит к росту цен — в данном случае, к росту стоимости кредита. Поэтому нам надо искать альтернативные возможности его удешевления. Мы можем сколько угодно говорить о необходимости ставки в 2%, но если ставка Центрального банка Российской Федерации равна 10,5%, в любом банке мне скажут: «Почему вдруг 2%?»

Какие могут быть альтернативы? Бюджетная политика. Бюджет должен рассматриваться не как инструмент сдерживания, а как инструмент развития. С помощью бюджетных вливаний, через фонды, например, Фонд развития промышленности, и через прямые дотации мы должны удешевить стоимость денег. Далее, нужно повышать финансовую самостоятельность регионов: мы не можем все регулировать из центра. К примеру, в Красноярском крае мы создаем «Алюминиевую долину» и понимаем, какие производства мы туда приведем. После этого мы смотрим на инструменты: из них 90% — федеральные. Какое участие принимает регион? А ведь именно в регионе мы должны развивать производства, именно регион понимает, какие льготы нужно дать.

Я согласен с Сергеем Глазьевым относительно предложения денег на рынке, снижения стоимости кредита через бюджетный механизм и, конечно же, налоговых методов стимулирования.

Год назад мы много говорили о снижении стоимости услуг естественных монополий и пришли к консенсусу: давайте сделаем так, чтобы их рост не обгонял инфляцию. Эта проблема отошла на второй план. Мне кажется, что очередными шагами должны стать получение денежного предложения, финансовая самостоятельность регионов и использование бюджета как механизма инвестиционного роста.

Вот мои рецепты.

А. Бобровский:

Большое спасибо.

Я обращаюсь к Андрею Клепачу. С точки зрения Центрального банка Российской Федерации все логично: мы любыми способами снизим инфляцию до 4%, а дальше начнем расти. Для роста в 4—5% нужно провести реформы. Снизим инфляцию, проведем реформы и добьемся роста в 4—5%. Не обязательно сначала добиваться роста, а потом понемногу снижать инфляцию. Давайте структурно перестраивать экономику. Есть ли у нас время на это? Это первое.

Второе: нельзя ли совместить эти два процесса? Можем ли мы с помощью каких-то других механизмов обеспечить и экономический рост, и снижение инфляции? Может быть, проблема не в денежно-кредитной политике, не в Центральном банке Российской Федерации?

А. Клепач:

Не хотел бы комментировать логику Центрального банка Российской Федерации, тем более они сами достаточно четко ее излагают. Я согласен с тем, что говорили Виктор Толоконский и Владислав Соловьев: проблема не в количестве денег, в экономике их достаточно. Проблема в том, как они распределены, как они работают, какова их цена.

А, Бобровский:

Где они? Перечислите места! Денег достаточно — где именно?

А. Клепач:

Денежная масса у нас действительно есть, но ее зажал Центральный банк Российской Федерации. Это зависит не только от Центрального банка

Российской Федерации, но и от поведения людей, которые уходили в наличные. В реальном выражении денежная масса в прошлом году сократилась и пока что не росла. Думаю, в этом году ее прирост составит 1,5 триллиона рублей, если не больше, потому что есть доходы от экспорта, растут цены, растут депозиты населения и предприятий. Прирост по депозитам в этом году составит два триллиона рублей или больше.

Проблема в том, что деньги не работают, не идут на увеличение кредитов. Кредиты населению в номинальном выражении сокращаются. Наверное, во второй половине года или к концу года они начнут расти. Но кредиты предприятиям тоже практически не растут, а в реальном выражении сжимаются, как и кредитование регионов, поскольку они закредитованы.

В докладе Столыпинского клуба предлагаются следующие меры.

Первое. Более агрессивное снижение процентных ставок, потому что для экономики важна не только номинальная, но и реальная процентная ставка. Сейчас она составляет почти 4%, если брать ставку Центрального банка Российской Федерации. Инфляция снизится, так как реальные доходы людей падают, и это более важный фактор, чем денежная политика Центрального банка Российской Федерации. Таким образом, инфляция упадет до 4% к концу следующего года, в крайнем случае — к началу 2018 года, если не будет шоков с продовольствием. У нас инфляция зависит не столько от того, что делают Центральный банк Российской Федерации или естественные монополии, сколько от того, что происходит с зерном в Америке и во Франции. Цены на продовольствие привязаны к мировым ценам, и это более важный фактор, чем все наши денежные упражнения. Итак, при стабилизации или снижении мировых цен на продовольствие, в первую очередь на зерно, Центральный банк Российской Федерации эту задачу выполнит.

Вы правы, задавая вопрос: как это связано с экономическим ростом? Высокие процентные ставки с ним несовместимы. Кредиты для банков составляют 11—

16%, для малых — более 20%. Это абсолютно неподъемные реальные ставки, поэтому здесь нужны серьезные изменения.

Второе. У нас очень разнообразная и сегментированная экономика, и общее снижение процентной ставки влияет на банки, на денежный рынок, но не обеспечивает доступность кредитов для бизнеса и населения. Поэтому нужны специальные инструменты. Отдельные инструменты есть — например, проектное финансирование, согласно постановлению Правительства № 1044. В рамках постановления выделено около 100 миллиардов рублей, но сейчас этот механизм остановлен. Может быть, это не самый эффективный механизм, достаточно бюрократический, нерыночный, но что предлагается взамен? Ничего. Здесь нужны кардинальные меры.

Сейчас банковская система почти не финансирует инвестиций, в лучшем случае идет пролонгация или выбирание открытых ранее кредитов. Если верить Росстату, хотя это и ненадежные цифры, вклад российской банковской системы в инвестиции в этом году составил около 4%, в прошлом — чуть более 5%. Говорить не о чем. Длинных кредитов больше, но они в основном идут, например, на сделки слияния — по сути, простое переоформление собственности. Не всякие длинные кредиты реально поддерживают инвестиции. Нужны новые инструменты, и они есть. Здесь вспоминали о Фонде развития промышленности. Его капитал составлял 20 миллиардов рублей, сейчас дали еще десять миллиардов рублей. Допустим, дадут еще десять миллиардов — всего 40 миллиардов на всю страну, меньше миллиарда долларов. Возникает вопрос: нельзя ли взять деньги из бюджета? Но бюджет сейчас находится в сложном положении. Значит, нужно, чтобы банки финансировали эти проекты, а Центральный банк Российской Федерации давал им кредиты и снимал часть рисков, или, например, Внешэкономбанк, но у него сейчас нет ресурсов.

Так или иначе, мы упираемся в то, что нужны инструменты — может быть, более рыночные — финансирования инвестиционных проектов, которые соответствуют приоритетам, через институты развития. Допустим, государство

решило, что приоритетом является сельское хозяйство — в нынешних условиях, когда производство молока падает каждый год, а в последнее время и его потребление. Может быть, стоит не выдавать субсидии под проценты, а изначально кредитовать предприятия по более низким ставкам и снижать риски, потому что все резко ужесточили рискованные требования. Сейчас этим требованиям удовлетворяют мало предприятий, тем более в сегменте среднего бизнеса.

Поддержка среднего бизнеса — самая негативная сторона нашей системы поддержки. Все утверждают, что это главный приоритет, но что реально делается? По официальной статистике кредитный портфель всех банков для малого и среднего бизнеса за прошлый год сократился на 30% — это почти триллион рублей. Вся поддержка малого бизнеса со стороны Центрального банка Российской Федерации — это 20 миллиардов рублей в год, просто говорить не о чем: хватит всего на несколько проектов. Мы должны обеспечивать доступные кредиты для тех, кто развивает технологии, кто может предложить контракт, а не залоги, потому что вся система держится на залогах, получить кредит в банке под контракт фактически невозможно.

Вернусь к тому, что сказал профессор Энгдаль: сердце экономики — это человеческий капитал и человеческие компетенции. Вчера Антон Силуанов, которого я очень уважаю, говорил, что сердце — это бюджет. Это два разных мировоззрения, но за ними стоят и два разных подхода в политике. Сердце нашей экономики — это человеческие компетенции, знания, работоспособность, таланты. Они есть в России, мы еще не все потеряли — наоборот, мы демонстрируем уникальную способность генерировать новые идеи, новые проекты. Не представляю, какая экономика, с самыми лучшими институтами, в США, в Швейцарии, смогла бы работать при реальных ставках в четыре с лишним процента, в условиях ежегодного сокращения реальных расходов на науку, технологии, образование, здравоохранение. При этом мы обеспечиваем

сохранение и развитие человеческого капитала и остаемся конкурентоспособными.

Если мы хотим изменить политику, надо, чтобы сердцем экономики были человеческий капитал и компетенции, а не бюджет. Здесь не нужны триллионы. Следует вначале перераспределить деньги, которые мы тратим, снизить требования по рискам, снизить стоимость денег, а дальше, если потребуется, увеличивать госдолг. При этом не надо ждать того времени, когда институты исправятся, все судьи и полицейские станут честными, и мы начнем ездить по правилам. Надо менять экономическую политику, и это даст эффект. У нас есть реальный потенциал для существенного ускорения роста.

Я согласен с Виктором Александровичем в том, что нужно кардинально менять систему взаимоотношений с регионами. Бюджетные трансферты регионам составляют около 1% ВВП (в два раза больше федеральных расходов на образование), но эффективность этих денег крайне низка. При этом трансферты нельзя устранить, потому что мы передали в регионы все расходы на образование, значительную часть расходов на здравоохранение и ремонт дорог, а доходной базы у них нет. Нужно не только решать вопросы, связанные с реструктуризацией долгов и созданием и развитием рынка заимствований, но и создавать в регионах доходную базу, может быть, передав им что-то из федерального бюджета — например, налог на прибыль. Даже поступления от акцизов на водку и бензин частично идут в центр. Надо отдавать регионам больше денег. Федеральному бюджету проще занять, чем региональным бюджетам.

А. Бобровский:

Большое спасибо, Андрей Николаевич. Это уже набор действий, можно сказать, план реформ.

Борис Юрьевич, обращусь к Вам. Мне интересно Ваше мнение, потому что и Вы, и Сергей Юрьевич, и Андрей Николаевич не так давно участвовали в заседании

Президентского совета. Есть ощущение, что консенсус все-таки возможен. У Вас складывается такое ощущение?

Может быть, Андрей Николаевич прав: деньги есть, и не надо увеличивать денежную массу. процитирую Татьяну Голикову, которая, обращаясь к министру финансов, сказала: «Антон Германович, триллионы я сразу найду: все лежит на депозитах у корпораций».

Б. Титов:

Деньги есть, но очень дорогие. Я сразу говорю это, когда сталкиваюсь с такой логикой: «Зачем вам деньги, когда они есть в экономике?» Они есть у банков, но очень дороги, они есть в реальном секторе, но только у сырьевых компаний-экспортеров.

А. Бобровский:

У одного есть, у другого нет.

Б. Титов:

Несколько миллиардов долларов. В реальном секторе денег нет.

Несколько слов о Столыпинском клубе. Я координирую работу Столыпинского клуба, созданного «Деловой Россией». Мы предложили достаточно громкие инициативы, например, план создания 25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест, который потом стал частью майских указов Президента. К сожалению, сейчас этот план не выполняется. Форум «Предпринимательская инициатива», Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, ориентация на Doing Business — все это появилось благодаря «Деловой России». Конечно, мы не могли пройти мимо макроэкономических задач, поскольку бизнес ждет решений.

Сегодня я как уполномоченный по защите прав предпринимателей готовил доклад для Президента. Согласно социологическому опросу среди проблем,

которые волнуют бизнес, на первое место вышла проблема неопределенности экономической политики. Не спрос, не налоги, не процентные ставки, а неопределенность экономической ситуации. Мы должны ответить на запросы бизнеса и разработать основные направления экономической политики. Для этого мы привлекли видных экономистов — Андрея Николаевича, Сергея Юрьевича, Якова Миркина, академика Аганбегяна, — и подготовили свой вариант.

Есть презентация, которую я представлял на заседании Экономического совета при Президенте, она занимает 15 минут. Сегодня нет даже 15 минут.

А. Бобровский:

У нас осталось меньше времени.

Б. Титов:

На заседании Экономического совета Алексей Леонидович говорил 45 минут, а я уложился в рамки.

Посмотрите только на правый график. Вместе с Федеральной налоговой службой — не Росстатом — мы посмотрели, как развивалась наша экономика в течение трех лет. Добавленная стоимость за три года, с 2011 года по 2014 год, выросла всего на 1%. Росла также торговля. Обрабатывающие производства в самом низу — минус 7 триллионов рублей. Таково сегодняшнее состояние нашей экономики. Это цифры Федеральной налоговой службы, которая подняла все первичные данные, то есть все балансы предприятий.

Далее, нефть перестает быть источником доходов для экономики страны, для бюджета, для людей. На чем мы можем зарабатывать? Где источники роста? Напомню, наша повестка дня звучала так: «Новые источники роста российской экономики». Мы делали SWOT-анализ и пришли к выводу, что есть семь основных источников; в принципе, их намного больше, но основных — семь. На седьмом месте — транзитный потенциал, которым мы обладаем как страна,

расположенная в центре Евразии. Еще один источник — малый и средний бизнес, экономика простых вещей, как мы ее называем, выпуск инвентаря, изделий из пластика, металла, камня, которые во всем мире обычно производятся локально: это огромная часть экономики. На заседании у Президента я приводил такой пример: одна из крупных сетей, которая продает иностранные хозяйственные товары, смогла на нашем внутреннем рынке купить 15% нужных ей товаров — скобяных изделий, гвоздей и так далее. В Польше она покупает на местном рынке 85% таких товаров. У нас их найти пока невозможно.

Другие источники — новая индустриализация, развитие новейших отраслей, развитие АПК, у которого есть огромный потенциал, углубление переработки сырья с выходом на внешние рынки. Сегодня мы продаем лес в основном в виде сырья, а Финляндия и Китай создали благодаря ему целую лесоперерабатывающую промышленность. Все это обеспечит нам ежегодный рост в 4—5%, а если все сложится удачно, то и больше.

Что нужно изменить в российской экономике, чтобы прийти к росту? Как изменить регулирование, экономическую политику? Мы предложили программу из десяти пунктов. Основная претензия к Сергею Юрьевичу заключается в том, что он преувеличивает значение денежно-кредитной политики. Мы не преувеличиваем ее значение, считая, что каждый пункт важен и что экономика изменится только в том случае, если будут выполнены все десять пунктов. Они касаются налогов, тарифов, административного давления на бизнес, судебной системы — у нас есть план ее реформирования. Я говорю об основных направлениях, но мы глубоко проработали каждый пункт.

При этом первый пункт вызывает серьезные споры. В чем его смысл? Каждый предприниматель знает, что для развития бизнеса он должен взять кредит. Без внешнего финансирования надеяться не на что. Если мы хотим расти, нам нужны кредиты. Как и где взять деньги? С кредитами все совсем плохо, процентная ставка очень высока. Я хотел бы обратить внимание на следующее:

в 2008—2009 годах, во время предыдущего кризиса, мы, как и сейчас, поднимали процентные ставки, в отличие от всего мира, который снижал их тогда и снижает сегодня. Мы идем против основной тенденции в мировой экономической политике. В результате у нас сегодня самая низкая закредитованность экономики по сравнению со всеми остальными странами, и она продолжает снижаться. Конечно, курс рубля падает, надо это учитывать. Так или иначе, в фактических цифрах отношение кредитов к ВВП составляет 48—52%, а в мире — 125%.

Нам нужны кредиты. Какими могут быть их источники? Алексей Леонидович несколько раз говорил о том, что нужно 40 триллионов рублей. Мы считаем, что все не так плохо, денег требуется значительно меньше. Если мы хотим поднять размер инвестиций с 18% до 25% ВВП, в ближайшее время нам необходимо 20 триллионов рублей, то есть в два раза меньше, хотя это тоже много. Основная часть денег пойдет из реального сектора — от банков, компаний, инвестиционных банков. Государство, как мы считаем, должно в этой ситуации дать толчок развитию, бросить первый снежок, который покатится под гору и вызовет лавину инвестиций. Государство обязано сделать первый шаг. Поэтому мы предлагаем количественное смягчение на сумму 1,5 триллиона рублей, которое и станет первым шагом.

Откуда государство возьмет эти деньги? Из разных источников. Мы считаем, что одним из них вполне может быть эмиссия, за которую нас сейчас очень сильно упрекают, и которая стала своеобразным пугалом. Я хочу сказать, что политика количественного смягчения не вызовет отрицательных последствий. Прежде всего, эмиссия уже идет. За три года в экономику влило 8,3 триллиона рублей новых денег. Мы предлагаем выпустить 1,5 триллиона — это не очень большая сумма по сравнению с общим объемом.

Нам говорят, что она будет неправильно использована, не дойдет до адресата и не скажется на росте, кроме того, станет разгонять инфляцию. Отвечу на оба вопроса. Насчет неправильного использования: мы предлагаем конкретный

механизм применения этих денег, который не позволит употреблять их не по назначению. Деньги окажутся в реальных проектах. Андрей Николаевич говорил о Фонде развития промышленности: это один из тех институтов, которые могут быть докапитализированы.

Следующим важным шагом могло бы стать развитие института проектного финансирования. Мы говорим, что у нас в стране не хватает обеспечения, но в других странах инвестиции в реальный сектор продолжают поступать — там давно и очень эффективно работает система проектного финансирования. Сегодня эта система не требует залогов. В залог идут только активы, приобретенные в рамках проекта, и акции новой проектной компании. Никаких рисков, кроме обычных инвестиционных рисков, для Центрального банка и софинансирующих проект коммерческих банков нет.

Теперь об инфляции. Мы считаем, выполнение нашей программы не приведет к серьезному росту инфляции. Почему? Как я уже сказал, объемы очень невелики, эти деньги идут на производство конкретной добавленной стоимости, и тем самым компенсируется увеличение денежной массы: деньги работают на рост. Кроме того, надо иметь в виду, что инфляция бывает двух видов — монетарная и немонетарная, инфляция спроса и инфляция издержек. Так вот, сегодня у нас отрицательная инфляция спроса: спрос на внутреннем рынке падает вслед за реальными доходами населения. В стране происходит монетарная дефляция. В то же время наблюдается очень высокая инфляция издержек: цены растут из-за роста себестоимости производства товаров, которые продаются на рынке.

Главная причина — падение курса рубля, в результате чего резко выросла стоимость импортных товаров, как и российских, в себестоимости 90% которых есть импортная составляющая.

Еще одна причина — рост стоимости кредитов, о чем говорил Сергей Юрьевич: повышение ставок приводит не к снижению инфляции, а к ее росту, поскольку стоимость кредитов компании закладывают в цену товаров, и эта цена

увеличивается. Другие причины — сохраняющаяся монополизация рынков, где многие компании могут произвольно устанавливать цены, и контрсанкции, которые не могли не сказаться на ценах на внутреннем рынке.

Сегодня Центральный банк Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации борются с немонетарной инфляцией монетарными методами. Эффективна ли эта борьба? Конечно, нет. Инфляция стабилизировалась, и Центральный банк Российской Федерации уже кричит: «Ура! Наша политика дает свои результаты». Его политика здесь ни при чем — просто курс рубля стабилизировался и даже вырос, в результате чего мы увидим резкое снижение инфляции. Все это вообще не зависит от спроса или от политики Центрального банка Российской Федерации, а только от курса рубля, то есть от цены на нефть. Поэтому сегодня главное — увеличить предложение, что приведет к снижению инфляции. Это не наши домыслы, такую политику проводили все страны, добившиеся успеха, например, «азиатские тигры». Они отказывались от стабилизации и ставили главной целью рост экономики. Именно рост экономики становится главным KPI для любой страны. В этом случае растет денежно-кредитное предложение в условиях низких ставок. В самых разных странах ссудный процент снижался, в результате росли инвестиции, а инфляция уменьшалась. Эти страны добились экономических успехов, стали развитыми.

Едва ли не впервые Президенту была предложена альтернативная концепция. Мы считаем, что добились успеха, поскольку Президент впервые ничего не сказал о необходимости стабилизации макроэкономических показателей, о борьбе с инфляцией как о главной задаче нашей экономической политики.

Подводя итоги, скажу, что логика бизнеса очень проста: если нам нужна новая, несырьевая экономика, главной целью экономической политики должна быть не стабилизация показателей, а рост. Если мы хотим добиться роста, мы должны, наряду с созданием новой налоговой и тарифной системы, начать проводить новую денежно-кредитную или денежно-промышленную политику. Как говорил

Сергей Юрьевич, необходимо обеспечить экономику опережающим предложением кредитов, иначе никакого роста быть не может.

Надеюсь, мы продолжим эту дискуссию. Я очень рад, что сегодня в зале собралось столько людей: значит, альтернативная программа интересует экономическую общественность и предпринимателей, доминирования одной идеи среди экономистов больше нет.

Мы будем продолжать эту работу различными способами — в рамках Столыпинского клуба, «Деловой России», других предпринимательских организаций. Как Уполномоченный, я посвятил часть своего ежегодного доклада Президенту экономике роста.

Мы пошли дальше, поскольку провести эту идею через Правительство будет очень сложно: у нас есть мощный пласт бюрократии, и бюрократы станут сопротивляться. Они не заинтересованы в росте — они заинтересованы в стабильности, в том, чтобы не происходило никаких колебаний и ненужных революций. Поэтому мы создали партию и назвали ее «Партией Роста», чтобы продвигать программу под названием «Экономика роста». Мы идем в политику, чтобы менять экономику страны. Мы хотим, чтобы наши идеи возобладали, и Россия стала экономически развитой страной.

А, Бобровский:

Спасибо, Борис Юрьевич.

Мы поговорили о том, как устроена сейчас мировая экономика, какие процессы в ней протекают, поговорили о положении в России. Сейчас мне хотелось бы обратиться к людям, которые управляют инвестициями.

У меня есть вопрос к Кириллу Андросову, управляющему директору Altera Investment Fund, который оперирует большими средствами. Некоторые говорят, что достаточно устранить геополитические риски, получить доступ к рынкам, и основные проблемы будут решены. Можем ли мы сейчас что-то предложить

крупному капиталу? Достаточно ли выгодны наши условия? Не переоцениваем ли мы санкционный фактор?

К. Андросов:

Спасибо, Алексей.

Конечно, переоцениваем. Исходя из того, что сегодня было сказано и показано, включая прекрасную презентацию Бориса Юрьевича, очевидно, что снятие санкций расширит доступ к долгосрочным кредитам, но не решит большинство из тех девяти или десяти проблем, которые были перечислены на слайде. На мой взгляд, нам просто нужно сделать домашнюю работу, о которой мы много говорим и которую еще ни разу не сделали.

Я дам свой ответ на вопрос: «Существуют ли рецепты устойчивого роста?» За последние 150 лет предлагалось много способов повышения эффективности экономики, но ничего лучше обычной либеральной рыночной экономики не придумано. Либеральная рыночная экономика возникает тогда, когда в стране в наличии по меньшей мере две ценности: конкуренция и эффективность. Пока все присутствующие в зале не начнут разделять эти две ценности, все остальные меры, на мой взгляд, будут носить вторичный характер.

А. Бобровский:

Лаконично. Большое спасибо.

Обращусь к Шиву Викраму Кхемке, вице-председателю SUN Group: он тоже занимается инвестициями. Мы уже можем подвести итоги дискуссии, но мне интересно Ваше мнение как иностранного инвестора, потому что Вы работаете в России давно и видите ситуацию со стороны.

Индия прошла путь, который нам еще предстоит пройти. Многие говорят, что она сменит Китай в качестве локомотива мировой экономики, и это очень хорошо, потому что китайская экономика понемногу выдыхается из-за определенных структурных проблем.

Как человек, знакомый с индийской экономикой и работающий на российском рынке, скажите: какие наши основные проблемы? Что можно и нужно сделать, если говорить о денежно-кредитной политике и роли государства? В Индии очень хороший Центральный банк, уважаемый глава Центрального банка.

Ш. Кхемка:

Спасибо, Алексей.

I would just like to say that I think being in Russia, people tend to criticize themselves a lot, but I have been here for 25 years and I have seen huge changes. The 1990s was a very difficult time to restructure the whole economy, and obviously the last few years have been difficult because of low oil prices, devaluation of the rouble, higher inflation, sanctions, and so on, but one must look at this in perspective. I think, as someone once said, one should never waste a good crisis, and this so-called crisis is a great chance to actually focus and take advantage of the tremendous wealth that Russia has in terms of resources, technology, human capital, and so on. I think there are a few areas where the focus needs to be put.

In terms of the internal economy, I completely agree with what Mr. Titov was saying earlier: that the key is going to be how do you direct investment and increase investment as a percentage of GDP from 17% today to 25% by 2020 and to 30% by 2025; I think that is a very important target to set. That is easy to say, but how does one do that in an effective, efficient way? And in that context, there are four things that I would like to talk about.

The first is trade and investment linkages. It is not just about Russia. Russia, as Professor Engdahl said, is located very beautifully. It has a perfect location. It is right on the border of one third of the world's population, India and China, which are growing. China is still growing at 5%; India is growing at 7%, 8%, and will grow for the next 20 or 30 years with the new One Belt, One Road corridor and with the North-South corridor. Actually, the linkages are becoming much stronger, and Russia can be a core engine of growth for these economies if it thinks carefully in terms of

infrastructure, in terms of technology, in terms of resources. So that is the first comment I would like to make: trade and investment linkages. In the Asian BRICS, that is RIC (Russia, India, China), and then in Central Asia, in Iran, and this whole area, a lot can be done.

The second thing is innovation. I think Russia has a tremendous tradition of innovation that the Soviets created and the Russians have kept going. I think it is very, very important for Russia to recognize this great wealth and to figure out ways to actually spur more innovation. That is the second thing.

The third thing is that in order to do that, obviously, human capital is key, and Russia has tremendous human capital. You have great academic institutions in many parts of Russia: Novosibirsk, Moscow, St. Petersburg, and so on. To actually take this human capital and train it, not only in Russia, but globally, I think, is really important. Look at Kazakhstan and what they did with the Bolashak Programme, where they sent young people all over the world and then brought them back to Kazakhstan. If you compare Kazakhstan today with Uzbekistan and Turkmenistan, which were the same size in terms of GDP 25 years ago, Kazakhstan is ten times bigger today. So I think the chance for Russia to really think about its human capital strategy is a great opportunity.

The last thing is infrastructure. I think Russia has built a lot of infrastructure, but it is getting old. A lot of it is being upgraded now and that experience should be used not only to upgrade Russian infrastructure, and again to bring in investment to do that, but also to think about working to use the tremendous Russian human capital and experience to actually work in countries like India, which are spending USD 1 trillion in infrastructure over the next ten years. Russia can play a very important part in that and needs to take a global view rather than an isolationist view, and particularly with a focus on Asia.

I just want to say that I completely agree with what Mr. Glazyev said about the technological disruption that is coming. I was recently in Silicon Valley and looking at what is happening in artificial intelligence, the Internet of Things, big data, predictive

data, analytics, energy technologies, clean technologies, and what is happening in China, I think Russia, again, can play a very important role in technology. It already has a tremendous legacy and history in technology, and I think this should really be cultivated, not only in aerospace, defence, and space, but also in many other areas like energy and so on.

I think that the last thing I would like to talk about is BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa). I think this is a very interesting group of countries, which can actually move global growth forward. Yes, Brazil and South Africa are going through some challenges right now, Russia is going through some challenges, India seems to be doing okay, China is going through some challenges, but I think that although these challenges exist in the short term, in the longer term, there is tremendous opportunity to actually create value by thinking about connecting and creating linkages between these different economies.

So there are some of my comments. I am an optimist about Russia.

Я здесь живу и работаю здесь 25 лет, инвестирую в несколько секторов. Я верю в эту страну.

А. Бобровский:

Большое спасибо, дорогие друзья. Мы сейчас пойдем слушать Президента — безусловно, это самое важное. Я благодарю вас за участие в дискуссии.

Мы послушали очень интересные выступления, и практически все, что было сказано, очень важно. Мы уже не успеваем устроить второе голосование.

Желаю вам хороших встреч на Форуме.

Спасибо и до свидания!